

Ф. Погорелов, М. Соколов

**АКАДЕМИЧЕСКИЕ РЫНКИ, СЕГМЕНТЫ ПРОФЕССИИ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ:
ФРАГМЕНТАЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ***

В статье исследуется фрагментация профессионального сообщества петербургских социологов. На основании результатов анкетного опроса, неформализованных интервью, включенного наблюдения и статистического анализа биографических данных описываются три основных сегмента, ориентированные, соответственно, на институты интернациональной науки, Российскую Академию Наук и отечественные образовательные учреждения. Приводятся данные, очерчивающие биографический и интеллектуальный профиль каждого из сегментов. Во второй части статьи теория символической борьбы Пьера Бурдьё используется для объяснения наблюдаемой дифференциации в терминах борьбы поколений петербургских социологов за рынки интеллектуальной продукции.

Несмотря на появление в последнее десятилетие нескольких обстоятельных трудов по истории отечественной социологии (Батыгин 1999; Фирсов 2001; Социология... 1998), собственно социологическое осмысление ее развития только начинается. Один из первых вкладов в дискуссию был сделан членами группы, сформировавшейся вокруг Российско-Французского центра Института социологии РАН (Бикбов, Гавриленко 2002; Качанов, Маркова 2003; Качанов, Маркова 2004), чьи исследования были вдохновлены работами Пьера Бурдьё (Bourdieu, 1984; Бурдьё 2002). Ни в коем случае не желая приуменьшить их роль как первопроходцев в создании социологии российской социологии, мы хотели бы отметить, однако, некоторые сложности, возникающие при использовании теоретических моделей Бурдьё в этой области исследований. Главная из этих сложностей относится к самому использованию категории «поле» для описания современного состояния дисциплины.

«Поле» по определению предполагает существование системы взаимозависимостей, которые связывают социальные шансы вступивших в него. Все имеющие доступ в поле

* Идея этого проекта кристаллизовалась с беседах с коллегами, которые подарили нам большую часть идей и наблюдений. С особой благодарностью мы хотели бы вспомнить Ирину Олимпиаеву (ЦНСИ), которая по праву должна была бы числиться соавтором этой работы. Также мы признательны за советы и комментарии Борису Винеру (Социологический институт РАН), Виктору Воронкову (ЦНСИ), Елене Здравомысловой (Европейский университет в СПб, ЦНСИ), Татьяне Зименковой (Билефельдский университет), Александру Лисовскому (СПбГУ), Юргену Фельдхоффу (Билефельдский университет) и Борису Фирсову (Европейский университет в СПб). Работа над проектом была поддержана малым грантом ЦНСИ.

участвуют в перераспределении специфичных для него типов капиталов, таких, как символический капитал профессионального признания. Один из тезисов этой статьи состоит в том, что поскольку мы пользуемся этим определением поля, мы не можем говорить о «поле российской социологии», во всяком случае, в единственном числе. Социологическое сообщество в России разбито на нескольких больших и множество более мелких фрагментов. В каждом из них распределяются и признаются свои виды ресурсов, и превратить валюту, имеющую хождение на одном из подобных замкнутых рынков, в валюту, принимаемую на других, не всегда возможно. Каждый из них, таким образом, создает собственную систему взаимозависимостей и сохраняет полную или почти полную автономию от прочих, — хотя и несвободен от некоторых других сил, к науке не относящихся*.

Так, например, на кафедрах и факультетах большинства бюджетных учебных заведений высоко ценится знание русской социологии XIX столетия и не ценится, скажем, степень, полученная в Гарварде (формально PhD не может быть даже доцентом). А в стенах негосударственных и финансируемых западными фондами учреждений, лучше всего представленных Европейским университетом в Санкт-Петербурге, это соотношение прямо противоположно — признание, полученное в лидирующих американских университетах, ставится там исключительно высоко, а владение отечественным интеллектуальным антиквариатом — очень низко. Принадлежащие к этим заведениям практически не зависят друг от друга, т. к. и первые, и вторые обладают собственными источниками дохода и престижа, которые представители другой группы никак не контролируют.

Если бы введенный Бурдые термин допускал такое словоупотребление, можно было бы сказать, что поле социологии слабее в России, чем в других странах, — как может быть сильнее или слабее магнитное поле. Иными словами, плотность взаимозависимостей, связывающих социологов в России, ниже, чем в большинстве западных обществ. Разумеется, некоторая степень взаимозависимости сохраняется хотя бы за счет существования в публичном дискурсе самой категории «социолог». Все мы, вероятно, переживали неприятные минуты, когда представитель какой-либо другой части профессионального сообщества выступал в масс-медиа с заявлениями, которые казались нам убийственно некомпетентными и наносящими непоправимый ущерб образу профессии в целом. В конце концов, всем нам приходится иметь в повседневной жизни дело с людьми, которые не осведомлены о том, насколько разными бывают социологи. Однако это один из очень немногих факторов, связывающих между собой всех людей, называющих себя социологами, и его влияния, как правило, недостаточно, чтобы обеспечить более чем минимальную степень взаимной заинтересованности.

Целью этого исследования было очертить границы частей профессионального сообщества, которые мы далее, следуя за Ансельмом Строссом, будем называть «сегментами профессии» (Strauss 1971), и предложить интерпретации процессов, обусловивших их облик. Ниже мы описываем три основных сегмента петербургской социологии, которые мы назвали *«ориентированным на институты интернациональной науки»*, *«ориентированным на учреждения, принадлежащие к Российской Академии Наук»* и *«ориентированным на отечественные образовательные заведения»*. Далее мы

* Понятие «автономии поля» подразумевает, что все ценящиеся в нем виды ресурсов распределяются внутри и только внутри него, и, таким образом, социальные шансы действующих в нем агентов зависят только от их коллег. Сокращение автономии рассматривается некоторыми из цитированных выше авторов (Бикбов, Гавриленко 2002) как главная угроза российской социологии. Эти исследователи констатируют тенденции к усилению зависимости части социологов от институтов государственной власти и выражают озабоченность по поводу возможности распространения моделей мышления, порожденных этим альянсом. Как мы надеемся показать на петербургском примере, эти тревоги не вполне обоснованны, поскольку значительная часть отечественных социологов — и подавляющее большинство новичков в профессии — находятся далеко за пределами подобного влияния.

предлагаем несколько гипотез относительно причин, которые определяли выбор отдельным индивидом и целыми поколениями карьеры в том или ином сегменте.

Стратегия исследования

Методически это исследование правильнее всего было бы описать как «автоэтнографическое». В его основе лежит рефлексия по поводу долгих лет (пяти в случае самого молодого исследователя), которые каждый из нас занимался социологией в Петербурге. Остальные методы, в значительной мере, играли вспомогательную роль, позволяя (как мы надеемся) дистанцироваться от повседневной вовлеченности в жизнь профессионального сообщества и вербализовать интуитивное восприятие его устройства. В число этих вспомогательных методов входили, во-первых, глубинные интервью. Всего было взято 12 неформализованных лейтмотивных интервью с петербургскими социологами. Мы стремились, чтобы в этой выборке были представлены индивиды, принадлежащие ко всем выделенным сегментам профессии. В целях сохранения анонимности мы не указывали пола и возраста тех, кому принадлежит та или иная цитата (в некоторых случаях это повлекло бы за собой однозначную идентификацию).

Во-вторых, мы воспользовались сведениями справочника «Социологи Санкт-Петербурга: Кто есть кто» (Кравец, Ильина, Соколов 2003), представляющего данные о членах Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов, дополнив их результатами анкетного опроса, проведенного во время ежегодного собрания СПАС в апреле 2003 г.* Всего статистическому анализу были подвергнуты данные о 167 членах Ассоциации, проживающих в Петербурге (место проживания определялось по указанному в справочнике почтовому адресу). Анкету заполнило 93 респондента. Процедура анкетирования, точные формулировки вопросов, одномерные распределения ответов и особенности выборки подробно обсуждаются в нашей статье (Погорелов, Соколов 2004). Здесь отметим лишь, что СПАС в целом и выборка тех его членов, которых нам удалось опросить, содержат явный перекося в сторону ориентированных на интернациональные институты и учреждения РАН сегментов. Напротив, преподаватели городских государственных вузов недопредставлены в ней — со всеми вытекающими следствиями.

Сегменты профессии

Сегменты социологической профессии отличаются демографическим составом, теоретико-методологическими ориентациями и институциональными траекториями. Различия между ними в графической форме иллюстрирует Рис. 1, представляющий результаты анализа основных компонент**. Трем сегментам соответствуют три отчетливо выделяемые области на графике, в которых находятся крупнейшие социологические организации Петербурга — социологический факультет СПбГУ и НИИ комплексных социальных исследований (НИИКСИ, входящий в один административный комплекс с

* СПАС предъявляет минимальные требования к своим потенциальным членам (две публикации в профессиональных изданиях (при предельно широком понимании «профессионального»), две рекомендации от членов Ассоциации, которые обычно даются на основании минимального знакомства, а также членские взносы в размере 100 рублей в год). С другой стороны, он не предлагает им никаких ощутимых выгод за исключением удовлетворения от самого факта подтверждения их членства в корпорации. Этого достаточно, однако, чтобы в 2003 г., в котором проводилось исследование, в СПАС состояло подавляющее большинство людей, которые перечислялись нашими коллегами-информантами в качестве ключевых фигур в городском профессиональном сообществе. За четыре года, в течение которых один из нас был членом Правления СПАС, не было ни одного случая, когда бы желавший присоединиться к Ассоциации не был в нее принят. Борьба за определение границ поля, которая представлялась Бурдые одной из ключевых характеристик функционирования любой области символического производства, в российской социальной науке практически не ведется.

** Описание процедуры статистического анализа см. в Методическом приложении.

факультетом), Социологический институт РАН (СИРАН) и Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ). Ниже мы опишем основные особенности каждого из этих сегментов.

Сегмент, ориентированный на интернациональные научные институты. С наибольшей вероятностью мы можем ожидать встретить представителей этого сегмента в Центре независимых социологических исследований или в Европейском университете в СПб (который не попал на рисунок из-за малых размеров выборки его сотрудников, но должен был бы располагаться на схеме несколько правее и выше ЦНСИ). Отличительным признаком его представителей является специализация на получении грантов от зарубежных фондов, а также на совместных исследованиях с западными академическими учреждениями. Профессиональные достижения представителей данного сегмента отражают эту ориентацию: среди них наибольшее количество получивших западную степень (MA или PhD) и упомянувших в справочнике публикации на иностранных языках. В ходе опроса они существенно чаще, чем их принадлежащие к другим сегментам коллеги, сообщали, что свободно владеют английским,

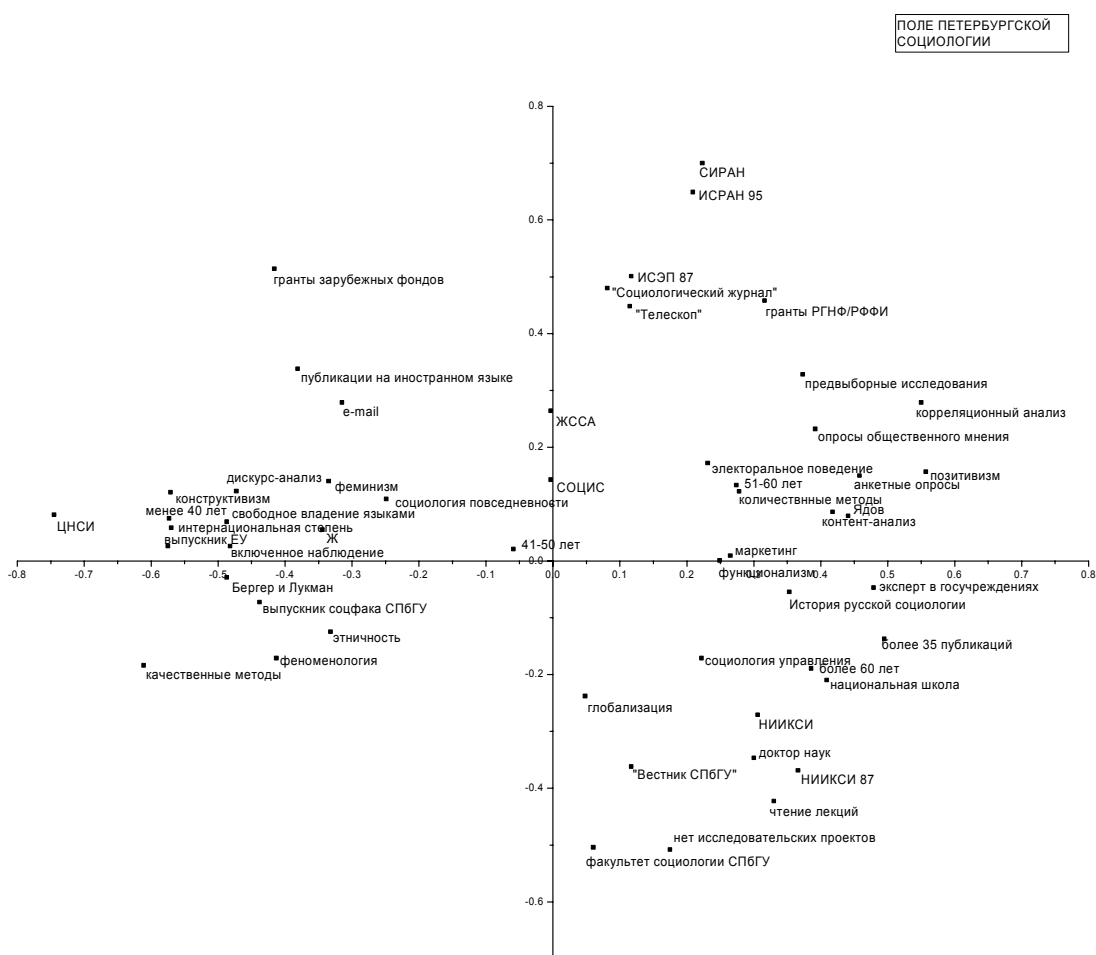

Рисунок 1. Поле петербургской социологии

немецким или французским языком. Наконец, в заполняемой для справочника СПАС анкете они почти без исключения указывали принадлежащий им персональный адрес

электронной почты — абсолютно необходимый ресурс для участия в интернациональных академических коммуникациях.

В ходе анкетного опроса представители этого сегмента обычно обозначали свои теоретико-методологические ориентации как конструктивистские, феноменологические, веберовские, интеракционистские и феминистские, выражали приверженность качественной методологии и называли, в качестве наиболее интересующих их тем, повседневность, гендерные исследования и этничность. Эту картину дополняют предпочитаемые ими методы исследований, среди которых преобладает включенное наблюдение, неформализованные интервью и дискурс-анализ. Помимо прочих отличий, этот сегмент характеризуется отчетливым демографическим профилем — его представители существенно моложе представителей других сегментов, и среди них численно преобладают женщины. Их профессиональные траектории, чаще всего, начались с получения профессионального образования на факультете социологии СПбГУ и/или в Европейском университете в СПб.

Сегмент, ориентированный на институты РАН. Представители этого сегмента безусловно преобладают среди сотрудников Социологического института РАН. Однако многие из тех, кто разделяет с ними те же основные этапы карьерной траектории и интеллектуальные ориентации, оказались разбросаны по фирмам, занимающимся, преимущественно, прикладными исследованиями (некоторые успешно совмещают эти позиции). Соответственно, доходы представителей этого сегмента складываются из исследовательских грантов (в частности, они лидируют по грантам РГНФ и РФФИ), зарплаты сотрудников исследовательских институтов, а также гонораров за проведение исследований по заказу коммерческих фирм, политических партий, СМИ или государственных учреждений. Их академические достижения характеризуются относительной немногочисленностью научных степеней, как российских, так и интернациональных, и большим количеством публикаций в отечественных периодических изданиях — «Социологическом журнале», «Телескопе» и, в несколько меньшей степени, «Социологических исследованиях» и ЖССА (которые вообще занимают позицию строгого нейтралитета по отношению к разным сегментам).

В ходе опроса представители этого сегмента чаще всего характеризовали свои теоретические ориентации как позитивистские, функционалистские и структуралистские. Среди методов сбора и обработки информации, использовавшихся ими в последние несколько лет, они существенно чаще, чем их коллеги, называли анкетные опросы, контент-анализ и корреляционный и факторный анализ. Среди них больше мужчин, чем женщин, а возрастной пик приходится на 50 – 60 лет. Общим пунктом развития их профессиональных траекторий была работа в Институте социально-экономических проблем (ИСЭП) в 1987 г. и в петербургском филиале Института социологии РАН (позднее переименованном в СИРАН) в 1995 г. — учреждениях, которые ассоциируются с «Ленинградской школой» социологии.

Сегмент, ориентированный на отечественные образовательные учреждения. Образовательный сегмент профессии представлен сотрудниками множества факультетов и кафедр социальных наук, разбросанных по городу. Крупнейшее скопление принадлежащих к нему индивидов мы встречаем на факультете социологии СПбГУ, а также в НИИКСИ, организационно примыкающем к нему. Представители этого сегмента специализируются на рынках преподавательских и административных услуг государственных образовательных заведений. Помимо преподавательской зарплаты (или, нередко, зарплат), среди статей их дохода надо отметить гонорары за работу над учебной литературой, спрос на которую за последние годы существенно вырос, репетиторство и возможности, предоставляемые контролем над поступлением. Поскольку люди, относящиеся к этому сегменту, реже, чем прочие, участвуют в эмпирических

исследованиях, они получают существенно меньше доходов от грантов или проведения прикладных исследований, однако чаще других выступают в роли экспертов в государственных структурах. Их академические достижения характеризуются, прежде всего, преобладанием публикаций в университетских издательствах, чаще всего — монографий, иногда коллективных. Из периодических изданий они чаще всего публикуются в «Вестнике СПбГУ». Наконец, стоит отметить наибольшее количество докторских степеней среди них — результат образования соответствующих ученых советов, прежде всего, в вузах.

Теоретические и методологические ориентации представителей этого сегмента менее определены, чем предшествующих, хотя стоит отметить повышенный интерес к проблемам государственного управления, глобализации и истории русской социологии — темам, хорошо сочетающимся с ориентацией на рынки государственных структур и самоустранением от эмпирических исследований. Наконец, именно среди них оказалось наибольшее количество согласных с необходимостью прилагать усилия для сохранения и возрождения национальной школы в социологии. В этом сегменте количество женщин также уступает количеству мужчин, а в плане возраста он демонстрирует больше разнообразия, чем предыдущие, хотя именно в нем оказалось наибольшее количество социологов самой старшей возрастной группы. Их карьерные траектории многолики, хотя большинство работавших в НИИКСИ в 1987 г. сохранили то же положение до настоящего времени*.

Сегменты, которые можно выделить на основании статистических процедур, соответствуют, как мы могли убедиться в ходе исследования, реальным сетям интеллектуальных обменов. Семинары в ЕУ постоянно посещают люди из ЦНСИ и наоборот, но появление в любом из этих мест сотрудников СИРАН случается редко, а, скажем, сотрудников НИИКСИ — практически никогда. Точно так же семинары в СИРАН очень редко посещаются людьми из ЕУ или ЦНСИ, а на семинарах на факультете социологии почти невозможно встретить представителей какого-либо из этих трех учреждений. Каждый сегмент обладает собственным «пространством внимания» (Коллинз 2002), к которому представители остальных сегментов имеют лишь очень ограниченный доступ**. Более того, дистанции между позициями на рисунке обратно пропорциональны вероятности того, что индивиды, занимающие эти позиции, вообще осведомлены о существовании друг друга. Приведем в качестве примера только две цитаты из интервью представителей двух организаций, занимающих на рисунке полярное положение — НИИКСИ и ЦНСИ.

В: А как Вы оцениваете ... перспективы ИСАНа?

О: У меня нет информации для оценки.

В: А такая организация — Европейский университет в Санкт-Петербурге, что Вы о ней знаете?

* Стоит повторить, что это — чисто статистические описания, допускающие множество частных исключений. Так, многие западные учебные учреждения ориентированы на сотрудничество именно с государственными российскими вузами, создавая устойчивый спрос на услуги преподавателей и администраторов последних. Типичный пример — многолетняя программа сотрудничества факультетов социологии СПбГУ и Билефельдского университета. Мы не затрагиваем также проблему «кентавров» — индивидов, которые институционально принадлежат к одному сегменту профессии, а интеллектуально — к другому, и ограничимся указанием на то, что они существуют. Наконец, надо отметить, что, хотя в крупных учреждениях доминируют обычно представители какого-то одного сегмента, в любом из них находится место для диссидентов, иногда довольно многочисленных.

** При этом СИРАН делит общее пространство внимания с московским Институтом социологии РАН, а, скажем, ЕУ — с множеством отделений Slavic Studies по всему миру. С точки же зрения циркуляции идей, зачастую институты, расположенные в разных городах, значительно ближе друг к другу, чем находящиеся в нескольких остановках метро.

О: Ничего, слышала название — и больше ничего.

В: А Центр независимых социологических исследований?

О: Аналогично.

В: ... в этой связи я хотел тебя спросить тебя про твой опыт, просто твое мнение [о разных социологических организациях СПб], можно начать с НИИКСИ.

О: С НИИКСИ. Ты знаешь, я думаю, это и в предыдущем куске красной нитью проходит, как раз идея о том, что я не очень хорошо ориентируюсь в современном пространстве, здешнем пространстве, в городском. <...> Ну ладно, начнем, с НИИКСИ. <...> Как социолог я с ним не сталкивалась никогда, может быть, с отдельными людьми, так случайно как-то. Потом ИСАН — я там была, я там бывала, я там бывала на защитах. А с людьми оттуда я тоже очень мало знакома, за исключением, пожалуй, N и M. Они как раз оттуда, ну, может быть, еще пара человек, с которыми я сталкивалась.

В: А эта твоя невключенность во внутреннее поле — это хорошо, плохо, никак?

О: Невключенность во внутреннее поле СПб — это скорее никак, я считаю, а вот невключенность во внутреннее поле российское — это, конечно, мое большое упущение, потому что я действую достаточно конъюнктурно, но тут ничего не поделаешь — денег не было, а язык был. Поэтому получилось так, что все эти проекты связаны с Западом, и получается так, что я пишу-то на английском в основном, и тем самым перекрываю себе доступ во внутреннее поле.

Принадлежность к сегментам соответствует множеству мельчайших отличий в манере держать себя и вести научную коммуникацию, начиная с интонаций во время обсуждения профессиональных проблем и заканчивая способом оформления ссылок, которые позволяют членам каждого сегмента с первого взгляда угадывать, со «своим» или «чужим» они имеют дело. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить преобладающую манеру преподавателя-мужчины держать себя во время лекций на факультете социологии СПбГУ и в ЕУ. Лектор в СПбГУ ведет занятия стоя, в ЕУ — сидя. Первый, как правило, появляется в пиджаке, светлой рубашке и при галстук, второй подчиняется столь же жесткому дресс-коду, требующему, однако, изысканной небрежности во внешнем виде. Первый читает — иногда в буквальном смысле — свою лекцию торжественно и предельно серьезно, старательно избегая грамматических форм первого лица. Второй, напротив, говорит негромко и неформально, иногда в утрировано личностной и несколько ироничной манере. Первый обращается с социологией как со святыней, заслуживающей только самого почтительного отношения, второй говорит о ней скорее как о ремесле, обильно используя снижающие пафос моменты обороты (например, «штуки» о методах исследования) или используя эстетические категории для оценки научных достижений («красивая» применительно к теории).

Академические рынки и интеллектуальные поколения

Какова логика, связывающая воедино возраст, источники доходов, институциональную траекторию, круг знакомств и интеллектуальные предпочтения членов каждого сегмента? Мы предполагаем, что основным фактором, определившим профиль каждого из сегментов, была подчеркивавшаяся нами выше специализация его представителей на определенных академических рынках, предъявляющих платежеспособный спрос на их интеллектуальную продукцию*. В свою очередь, выбор специализации определялся временем вступления в профессию и ресурсами, которые индивид приносил с собой.

* Академическим рынкам посвящено несколько ставших классическими исследований. Больше всего внимания до сих пор пришлось на долю рынков образовательных учреждений (Bourdieu 1988; Caplow, McGee 2001). Один из немногих срезов всех рынков, на которых могли выступать американские интеллектуалы середины XX в., представляют собой «Люди идей» Козера (Coser 1965).

Разберем эти связи по очереди, начав с причин, обусловивших корреляции рыночной специализации и интеллектуальных предпочтений.

Существует несколько факторов, связывающих ориентации на рынки и интеллектуальные ориентации. Наиболее очевидные из них связаны с самим характером спроса на этих рынках. Большинство экономических контрагентов социологов предъявляют спрос только на исследования по достаточно ограниченному кругу тем, исполненных в соответствии с определенными стандартами. Заказчики маркетинговых исследований, например, платят за исследования потребительского поведения, в которых вряд ли найдет себя марксист или приверженец этнографической социологии (во всяком случае, не в российских условиях). Точно так же большинство работающих в России западных фондов приветствует темы, связанные с неравенством и дискриминацией, коллективной безопасностью или развитием демократических институтов, но проект, посвященный, скажем, истории социологии XIX в., имеет весьма скромные шансы получить от них поддержку.

Существуют и менее заметные на первый взгляд особенности спроса на каждом из рынков, которые, тем не менее, оказываются не менее значимыми. Так, характер поддержки со стороны западных фондов обуславливает предпочтение качественных методов в среде постоянных получателей их грантов. Действительно, те, кто специализируются на этом академическом рынке, распределяют между собой сравнительно большое количество мелких грантов*, которые достаточны для оплаты труда самого социолога — но не достаточны, скажем, для организации массового опроса по репрезентативной выборке, охватывающей территорию, превосходящую территорию одного города**. Качественные методы (опять же, в российских условиях) имеют тенденцию быть значительно дешевле количественных.

Все сказанное до сих пор, однако, не проливает никакого света на корреляцию между специализацией на определенных рынках, интеллектуальными ориентациями и возрастом. Между тем, несомненно, что противостоящие друг другу сегменты профессии представляют собой разные исследовательские поколения. Приведем только несколько примеров. Средний возраст попавших в нашу выборку членов СПАС составил 48,9 лет при стандартном отклонении в 13,7 лет. При этом средний возраст сотрудников НИИКСИ оказался равен 57,8 годам, сотрудников СИРАН — 53,4, факультета социологии СПбГУ — 47,1 (с учетом студентов и аспирантов), Европейского университета — 40,1, ЦНСИ — 35,9 годам. Средний возраст упомянувших Ядова в качестве автора наиболее повлиявшей на них книги составил 54,1 года, средний возраст читателей Бергера и Лукмана — 37,7 лет. Средний возраст указавших, что история русской социологии является для них темой первостепенных интересов — 57,4 года, средний возраст интересующихся повседневностью и гендерными исследованиями — 43,9 и 43,2 соответственно. Средний возраст идентифицировавших себя как марксистов равен 64,2 годам, конструктивистов — 39,7 (а тех, кто заявил, что категорически не относит себя к таковым — 59,4), феминисток

* Вернее, распределяли. Постепенное свертывание в России большинства зарубежных программ индивидуальной поддержки ученых уже начинает вносить в жизнь этого сегмента профессии существенные изменения.

** Как типичный случай можно рассмотреть условия конкурсов фонда МакАртуров, выделяющего индивидуальные гранты на проведение исследований по социальным наукам в России. Максимальный размер гранта, выделяемого сроком до 18 месяцев, составляет 15000 долларов. В эту сумму входит стипендия исследователя, размер которой фиксирован на уровне 600 долларов (10800 долларов на весь период действия гранта). Итого, максимальная сумма, которую можно запросить на осуществление собственно исследования, составляет 4200 долларов — явно недостаточно для проведения опроса, соответствующего стандартам, которые сам фонд поддерживает. Поскольку «количественная методология» в отечественной дискуссии является почти синонимом массовых опросов, в негативном отношении к ней со стороны исследователей, живущих прежде всего на западные гранты (Воронков, 2004), можно заподозрить реакцию на практическую невозможность ее использовать.

— 39,5. Средний возраст использовавших в последние годы факторный анализ — 52,3 года, дискурсивный анализ — 43,8 года, включенное наблюдение — 44,2 года.

Чем объяснялся выбор институциональных и интеллектуальных траекторий в случае каждого конкретного индивида и чем определялся выбор целых поколений? Два фактора представляются наиболее важными. Во-первых, уже в момент вступления в поле неопиты имеют отнюдь не равные ресурсы для того, чтобы конкурировать за все существующие в нем позиции. Например, рассматривая карьеры петербургских социологов, мы видим, что одним из решающих факторов, определяющих развитие их профессиональных траекторий в сторону ориентированного на интернациональную науку сегмента, была степень владения иностранными языками и то, какими именно языками они владели. Те, кто не владел никаким, вынуждены были искать свою нишу на других рынках.

В: А за рубеж не думали выехать учиться?

О: Нет, нет, у меня проблемы с языком и это проблема, наверное, с четвертого класса, языковой барьер, истерики <...> меня преподаватель спрашивает меня что-то на английском, я понимаю, а сказать не могу, или наоборот не понимаю, так что <...> вопрос с границей не стоял.

Владение языком относится к компетентностям, которые приобретаются, как правило, еще в школьном возрасте. Поскольку преподавание иностранного языка в последние десятилетия существования Советского Союза становилось все более массовым и, по всей видимости, все более качественным*, на этих рынках более молодые поколения имели ощутимые преимущества.

Вторым обстоятельством, сыгравшим огромную роль, было то, что вступающие в поле позднее заставляли там своих предшественников, пользовавшихся всеми преимуществами явившихся раньше. Те уже занимали доминирующие позиции во всех существующих институтах и обладали сложившейся репутацией, что позволяло им уверенно занимать лидирующее положение во всех областях профессиональной дискуссии. Для молодых в подобной ситуации открываются две различные линии поведения, которые Бурдьё обозначил как «стратегии наследования» и «стратегии разрыва» (Bourdieu 1983). Первая состоит в постепенном подъеме в иерархии институциональных позиций и интеллектуального престижа, по мере того как эти позиции освобождаются представителями поколения предшественников. Вторая стратегия связана с научным переворотом, символической революцией, разом меняющей иерархии престижа и создающей новые институты.

Бурдьё указывает, что возможность такого переворота (по крайней мере, в искусстве и социальных науках) открывается тогда, когда группе молодых претендентов в поле науки удастся заключить альянс с одной из набирающих влияние сил в поле власти (Bourdieu 1996). В недавней истории отечественной социологии этот альянс наиболее наглядно выразился в возникновении новых рынков, предъявляющих платежеспособный спрос на услуги ученых. В случае с сообществом петербургских социологов такая возможность открылась для представителей младших поколений в эпоху перестройки, когда, с одной стороны, исчезла часть существовавших прежде рынков (заводской социологии, преподавания марксистско-ленинского обществоведения) — и возникли практически все ныне существующие.

* В нашей выборке средний возраст сказавших, что они свободно владеют иностранным языком, составил 40,7 лет, а средний возраст тех, кто указал, что они не могут общаться ни на одном языке, кроме русского — 55 лет. Этот результат, однако, может быть интерпретирован двояко — и как свидетельство увеличения владеющих иностранными языками в младших возрастных когортах, и как признак того, что — по причинам, которые обсуждаются ниже — после определенного момента профессия социолога стала существенно более привлекательной для тех, кто владел иностранными языками, чем для остальных.

К середине 1980-х гг. социологическое сообщество состояло из двух больших сегментов, которые можно условно обозначить как «идеологов» и «технократов», боровшихся за спрос, прежде всего, со стороны партийных органов*. Сама интенсивность этой борьбы способствовала быстрой кристаллизации диаметрально противоположных концепций социологической профессии. Первая из этих концепций, принадлежавшая технократической фракции, определяла социологию как политически неангажированную и ценностно-нейтральную науку (со всеми ее атрибутами, такими, как математическая точность и нашедшая воплощение в измерительной надежности «объективность»). Вторая, исходившая от «идеологов», напротив, видела в социологических исследованиях продолжение пропаганды другими средствами и оценивала любое теоретическое нововведение с точки зрения его соответствия доминирующей доктрине. Первая концепция апеллировала к объективной эмпирической реальности, вторая — к абстрактной философии. «Идеологи» безусловно доминировали в высших учебных заведениях, «технократы» к концу советского периода занимали стабильное положение в академических учреждениях и на некоторых предприятиях.

Перестройка привела к почти моментальному обвалу рынков партийного аппарата и заставила всех, кто напрямую зависел от спроса на нем — вообще говоря, практически всех социологов — искать новый спрос на свои услуги. Одновременно возникло сразу несколько новых рынков, что и привело к фрагментации профессионального сообщества, последствия которой мы описали выше. Во-первых, сохранившийся с советских лет престиж профессии привел к возникновению спроса на социологическое образование. Этот спрос, однако, в большей степени удовлетворили не «технократы», благодаря которым профессия приобрела свою репутацию, а их оппоненты, накопившие в предыдущий период административные ресурсы того типа, который давал им преимущества в образовательных учреждениях. Рубеж 1990-х гг. был временем массовых переименований бывших кафедр, отделений и факультетов исторического материализма и марксистско-ленинской философии в кафедры, отделения и факультеты социальных и гуманитарных наук**.

Другим рынком, на котором бывшие члены фракции советских «идеологов» смогли частично воспроизвести свое влияние, стал рынок государственного аппарата, предъявлявший спрос на выработку идеологии — спрос сильно сократившийся, но не исчезнувший полностью. Сформировавшаяся в предыдущий исторический период концепция профессии, разделяемая членами этого сегмента, ориентировала их именно на такую занятость. Действительно, роль государственного идеолога, с одной стороны, не требовала компетентности в эмпирической методологии (в которой они не могли

* Реконструкция событий на основании исторических документов — безусловно, предварительная и неполная — позволяет заключить, что борьба между ними была отражением борьбы между ортодоксами и более либеральными прагматиками в КПСС. Несмотря на то, что бывшие «технократы» иногда предпочитают забывать об этом обстоятельстве, именно одной из групп внутри партийного аппарата принадлежала инициатива по организации «конкретных социологических исследований» (Фирсов 2001). Многие из самых важных проектов напрямую финансировались партийными органами (например, Таганрогский проект, осуществленный по заказу отдела пропаганды ЦК), и спрос на самом важном из рынков, создававшем внеакадемические рабочие места для «технократов» — рынке секторов научной организации труда на предприятиях — поддерживался их усилиями. О том, что при этом преодолевалось сопротивление собственно заводского начальства, вовсе не «востребованного» услуги консультантов, как те сами предпочитали думать, вспоминала в одном из интересных выступлений академик Рывкина (Ленинградская... 1998).

** Как и любой исторический процесс, это преобразование прослеживается лишь с массой оговорок. Так, преподавание социологии в Академии культуры с самого начала находилось практически полностью в руках сотрудников СИРАН и тех, кто разделял с ними происхождение из «Ленинградской школы социологии», а Европейский университет в СПб и, в последние годы, Высшая школа экономики принадлежали к ориентированному на интернациональные научные институты сегменту. Тем не менее, как демонстрируют изложенные выше результаты, корпус преподавателей социологии городских вузов в целом до сих пор несет на себе узнаваемый отпечаток своего происхождения.

конкурировать со своими давними противниками), а с другой, полностью отвечала интериоризированной ими концепции социальных наук как выполняющих «мировоззренческие», социально-педагогические функции.

Тем не менее, в целом «идеологи» были проигравшей фракцией. Социальные шансы, открывшиеся в начале 1990-х перед их бывшими оппонентами, выглядели несравненно предпочтительнее. Во-первых, под их контроль перешла значительная часть государственных исследовательских институтов*. Во-вторых, к их услугам был стремительно развивавшийся рынок прикладных исследований — опросов общественного мнения, маркетинговых исследований и пр. — спрос на котором (если не для отдельных ее представителей, то для группы в целом) вполне компенсировал исчезновение рынков «заводской социологии»**. В-третьих, начавший возникать более широкий рынок интеллектуальной продукции предъявлял спрос — небольшой, но постоянный — на публичные выступления социологов в качестве экспертов по социальным проблемам. На всех этих рынках на протяжении 1990-х гг. безусловно лидировали те, кто доминировал в сегменте «технократов» еще в предыдущий период и теперь успешно воспроизвел свое положение. Примерами этого могут служить Владимир Ядов, Юрий Левада и Игорь Кон***.

Успешность этого воспроизводства поставила в наиболее затруднительное положение членов самого младшего поколения, родившихся примерно после 1955 г. Поскольку к 1990 г. они обладали лишь очень незначительным административным капиталом, и, по большей части, столь же незначительным символическим, то могли бы рассчитывать только на подчиненные позиции в достаточно бедных институтах, контролируемых их старшими коллегами — если бы не возможность выхода на рынки интернациональной науки. На них младшие поколения обладали, по меньшей мере, равными шансами со старшими, а если учесть упоминавшееся превосходство во владении иностранными языками, даже имели некоторое преимущество перед ними. «Качественный поворот», если можно назвать этим громким словом зафиксированное нами распространение новых теоретических установок среди младших поколений петербургских социологов, был отчасти продиктован перечисленными выше особенностями спроса на этих рынках, отчасти — еще ощущавшейся в тот момент необходимостью легитимировать свою интеллектуальную и административную независимость от старших поколений (Соколов 2004)****.

Последний сегмент добился на протяжении 1990-х гг. наибольших успехов в рекрутировании новых членов — по всей видимости, вследствие значительно более

* В организациях, в которых их противники накопили слишком большой административный капитал, чтобы переворот был возможен, происходила революция, в результате которого само учреждение оказывалось расколотым. История Института социально-экономических проблем РАН, из которого в 1989 г. выделился петербургский филиал Института социологии РАН, полностью укомплектованный советскими «технократами», в этом смысле очень показательна.

** Пример советской «заводской социологии» может быть интересен для тех, кто находит циничным и оскорбительным подход, видящий в трансформации интеллектуальной «надстройки» отечественной социологии следствие изменений ее экономического «базиса». Заводская социология была одной из самых популярных областей исследований в СССР. Падение платежеспособного спроса на нее в начале 1990-х привело к почти моментальному исчезновению одной из самых больших и влиятельных (около 150 человек в Петербурге) субпрофессиональных групп. Исключительно интересное ее описание можно найти в выступлении Бориса Максимова на конференции, посвященной Ленинградской социологической школе (Ленинградская... 1998).

*** Это воспроизводство менее заметно на рынке прикладных исследований. Именно нанем в наибольшей степени нашло свою нишу поколение примерно 1945–55 гг. рождения — люди, с одной стороны, вполне разделявшие социально-инженеристскую научную идеологию предыдущего поколения, с другой — им же вытесненное на второстепенные позиции на большинстве прочих рынков.

**** Почитатели Бурдые не удивятся, обнаружив, что лидирующие позиции в ориентированном на интернациональные рынки сегменте в значительной степени заняли дети профессоров и академиков — советской научной элиты.

эгалитарной системы распределения прибылей в нем. Ориентированные на отечественные образовательные рынки организации отличаются преимущественно олигархическим паттерном распределения доходов. Те, кто не обладает административным весом в них, получают лишь мизерную зарплату, те, кто обладает им, имеют доступ к весьма существенным прибылям. Интриги и конфликты вокруг руководящих кресел, которые время от времени сотрясают государственные научные организации (и от которых, как кажется, свободны учреждения типа ЦНСИ и ЕУ), являются отражением этого положения вещей.

Именно с этим связаны постоянно встречаемые ориентированными на отечественные рынки учреждениями сложности в привлечении лояльных новичков, готовых безропотно занять нижние ступеньки иерархической лестницы и годами ждать, пока придет их время подняться наверх. В ориентированных на рынки интернациональной науки организациях распределение доходов существенно меньше зависит от административной позиции внутри и существенно больше — от получаемого снаружи признания. Такая система избавляет способных новичков от жесткой конкуренции за административное продвижение и обеспечивает их значительными, по отечественным меркам, прибылями в виде стипендий, грантов или приглашений на стажировки, которые могут начать поступать еще до получения университетского диплома.

Заключение

Резкое ослабление системы взаимозависимостей, сложившейся в советской социологии, произошло в первые годы после распада СССР. Интересы «идеологов» и «технократов», конкурировавших за спрос на свои услуги со стороны партийного аппарата, были тесно переплетены. Более того, их борьба неизбежно принимала форму научной полемики, которая стимулировала развитие своей позиции каждой из сторон. Сегменты профессии, пришедшие им на смену, специализировались на разных рынках и обладали достаточным преимуществом каждый в своей области, чтобы иметь возможность не тревожиться по поводу покушений на нее со стороны потенциальных конкурентов. Постепенно они замыкались на себе — и в кадровом смысле, и в интеллектуальном. В настоящее время контакты между ними в Петербурге сведены к минимуму*. Все попытки спроецировать дифференциацию сегментов в термины научных оппозиций (таких, как оппозиция между «качественным» и «количественным», «автономией» и «социальной востребованностью») наталкивались на недостаток энтузиазма по поводу подобной дискуссии — поскольку ни одна из возможных сторон не была реально заинтересована в перераспределении научного авторитета.

Потребуются дополнительные исследования, чтобы оценить, насколько организация профессионального сообщества в Петербурге воспроизводится в других регионах России. Тем не менее, даже приведенных данных достаточно, чтобы поставить под сомнение применимость теории полей символического производства Бурдьё к анализу динамики социальных дисциплин в постсоветской России. Бурдьё писал о сравнительно стабильно воспроизводящихся централизованных институтах, принадлежащих обществу, традиционно являющемуся одним из основных мировых экспортеров интеллектуальной продукции. Для того чтобы применить его модель к России, требуется как минимум ее радикальная модификация, позволяющая включить разнообразные эффекты институциональной дезинтеграции, бедности и интеллектуального импорта.

* Так, единственная точка в карьере молодых профессионалов, ориентированных на интернациональные академические рынки, когда они соприкасаются с организациями, принадлежащими к другим сегментам, приходится на момент защиты ими диссертации — причина, по которой многие из них оттягивают это событие насколько возможно или вообще избегают его, получая зарубежную степень.

Методическое приложение

Рис. 1 представляет результаты анализа основных компонент. Оси («Ориентация на внешние академические рынки — ориентация на внутренние академические рынки» и «Ориентация на рынки образовательных услуг — Ориентация на рынки эмпирических исследований») соответствуют двум первым факторам (первый исчерпывает 15,1 % дисперсии, второй — 8,1 %, оба вместе — 23,2 %), координаты точек по ним — нагрузкам переменных. Далее использовалось косоугольное вращение осей. Поскольку коэффициент корреляции между факторами составил менее .005, на рисунке оси отображаются как ортогональные. Переменным на рисунке соответствуют следующие формулировки вопросов:

Переменные	Источник данных и кодировка
СИРАН, НИИКСИ, факультет социологии СПбГУ, ЦНСИ	1 – организация указана в качестве места работы в справочнике, 0 – не указана
доктор наук, интернациональные степени ¹	1 – степень указана в справочнике, 0 не указана
выпускник соцфака СПбГУ выпускник ЕУ	1 – образование указано в справочнике, 0 – не указано
более 35 публикаций ²	1 – указанное количество публикаций более 35 или равно 35, 0 – менее 35 ³
«СоцЖур» СОЦИС ЖССА «Телескоп» «Вестник СПбГУ»	1 – в списке перечисленных публикаций присутствуют публикации в данных изданиях, 0 – отсутствуют
публикации на иностранном языке	1 – присутствуют в списке публикаций в справочнике, 0 – отсутствуют
нет исследовательских проектов	1 – в пункте «Основные исследовательские проекты» справочника ничего не указано, 0 – указано
чтение лекций	1 – в пункте «Преподавательская деятельность» указано хотя бы одно место преподавания, 0 – не указано
Иностранные гранты РГНФ/РФФИ	1 – в справочнике указаны в качестве организации, поддерживавшей исследования, 0 – не указаны
e-mail	1 – в справочнике указан персональный (не институтский) адрес электронной почты, 0 – не указан
Ядов Бергер и Луманн	1 – указаны в анкете в качестве авторов наиболее повлиявшей книги, 0 – не указаны
история русской социологии социология повседневности этничность электоральное поведение социальное управление глобализация	1 – тема названа очень интересной, 0 – тема названа более ли менее интересной или неинтересной в ходе анкетного опроса
феноменология позитивизм конструктивизм функционализм феминизм	1 – указано как исследовательская традиция, к которой респондент определенно мог бы себя причислить, или скорее мог бы, 0 – исследовательская традиция, к которой респондент определенно не мог бы себя причислить или скорее не мог бы.
количественная методология качественная методология	1 – респондент причисляет себя к сторонникам данной методологии, 0 – не причисляет
национальная школа	1 – респондент поддерживает заботу о сохранении и воссоздании национальной школы, 0 – не поддерживает или затрудняется ответить
анкетный опрос включенное наблюдение корреляционный анализ контент-анализ дискурсивный анализ	1 – респондент использовал данный метод в течение последних пяти лет, 0 – не использовал
маркетинговые исследования опросы общественного мнения предвыборные исследования эксперт в госструктурах	1 – занимался постоянно или время от времени в течение последних пяти лет, 0 – не занимался ни разу
НИИКСИ 87 ИСЭП 87 ИСРАН 95	1 – указал данное учреждение как место работы в 1987 или 1995 г., 0 – указал любое другое место работы
свободное владение языками	1 – в анкете указал, что может «свободно участвовать в профессиональной дискуссии» или «подготовить доклад и выступить с ним на конференции», 0 – «может читать профессиональную литературу» или вообще не владеет

¹ MA или PhD, включая магистерские степени, присужденные Европейским университетом в СПб.

² 35 является медианным числом публикаций для членов нашей выборки.

³ Для указавших «более N публикаций» бралось N.

Литература

Батыгин Г. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999.

Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом // Логос. 2002. № 5 – 6.

Бурдые П. Поле науки // Socio-Logos' 2002. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.

Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2002. № 35.

Ильина М., Кравец Н., Соколов М. Социологи Петербурга и Северо-Запада: Кто есть кто. СПб.: Алетейя, 2003.

Качанов Ю., Маркова Ю. Социологические различия и практические схемы социологов: Опыт эмпирического изучения // Социология: 4М. 2003. № 16.

Качанов Ю., Маркова Ю. Методологические проблемы исследования смысловой и социальной структур социологического дискурса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 5 (29).

Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е) / Под ред. В. Костюшева. М.: Институт социологии, 1998.

Погорелов Ф., Соколов М. Интеллектуальный ландшафт Санкт-Петербургской социологии: Попытка картографии // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 1.

Соколов М. Виктор Воронков и последний крестовый поход // Неприкосновенный запас – online. 2004. (<http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011125>)

Социология в России / Под ред. В. Ядова. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.

Фирсов Б. История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Алетейя, 2001.

Bourdieu P. The rules of art: Genesis and structure of the literary field. Cambridge: Polity Press, 1996.

Bourdieu P. Homo Academicus. Cambridge, UK : Polity Press, 1998.

Bourdieu P. The field of cultural production, or the economic world reversed // Poetics. 1983. Vol. 12.

Caplow T., McGee R. The Academic Marketplace. New Brunswick, NJ: Transaction, 2001.

Coser L. Men of Ideas: A Sociologist's View. NYC: Free Press, 1965.

Strauss A. Professions, Works and Careers. San Francisco: The Sociology Press, 1971.